

— Отец! Надеюсь, ты не против, что я привела своего парня, но мне правда нужно, чтобы вы с ним поговорили, — сказала Хриза, обнимая отца. Зевс тепло ответил на объятия, заметив, как брови Аида взметнулись вверх при виде этой публичной демонстрации привязанности между отцом и дочерью. — Как скажешь, дорогая, — ответил Зевс, отпуская дочь. Он холодно кивнул в сторону брата. — Аид. — Зевс, — ответил Аид, сохраняя ту же ледяную манеру. — Вы оба, ведите себя прилично! — рявкнула Хриза, усаживаясь под углом к отцу. Она перетасила Аида на сиденье напротив Зевса. В этот момент, словно по сигналу, появилась официантка. — Привет, Анжела, — поздоровалась Хриза. — Добрый день, мисс Вольт, — ответила официантка, — Анжела. — Рада снова видеть вас так скоро. Это ваш парень? — Да, это я, — произнес Аид своим глубоким голосом, протягивая руку, чтобы сжать сцепленные руки Хризы. — Это мистер Мортимер д'Арк, — представила Хриза. — Не желаете ли взглянуть на наше меню напитков, мистер д'Арк? — спросила Анжела. — Воду, пожалуйста. С лаймом, — ответил Аид. — Конечно, сэр, — ответила официантка, удаляясь. Зевс проводил брата взглядом. — Мортимер Дарк? Правда? — Это д'АРК, а не Дарк, Зевс, будь любезен, — язвительно заметил Аид. — Что я говорил о поведении? — предупреждая спросила Хриза. Оба мужчины благоразумно промолчали. — Итак, — невозмутимо продолжила Хриза. — Вы оба здесь из-за того, что произошло на Зимнем солнцестоянии. Мастер-болт отца был украден. У Аида украли Шлем Тьмы. Голова Зевса дернулась в сторону брата. — Твой Шлем был украден? — недоверчиво спросил он. — Да, — раздраженно ответил Аид. — И не высовывайся! В отличие от тебя, я не планирую трубить на весь свет, что мой символ силы пропал. — Поскольку оба наших символа власти исчезли, главным подозреваемым является Посейдон, — сказал Зевс. — И я верю, что у него есть сын. Хирон с сентября лично наблюдал за исключительно могущественным полубогом. Он вполне может быть сыном Посейдона. — Мы должны действовать незамедлительно... — начал Аид, но Хриза его перебила. — Мы не должны действовать необдуманно. Отправь Алекто, чтобы она начала работать учителем в школе мальчика в весеннем семестре. Сколько лет этому мальчику, отец? — Двенадцать, — ответил Зевс. — Его зовут Персей Джексон. Хриза фыркнула. — Ну, это уже говорит о том, что он полубог. Никто не использует древнегреческий язык, чтобы назвать своих детей, если только они не полубоги. В конце концов, именно так я получила свое имя. Смертные родители дают своим детям такие имена, чтобы те могли «соединиться со своим наследием», не понимая, что, по сути, они вывешивают гигантский мигающий знак, который гласит: «Я полубог! Приди и убей меня!». — Сказала женщина, которая назвала свою дочь «белая» и «жизнь», а сына — «победа народа» и «спаситель», — заметил Зевс. Хриза указала на него вилкой. — Только не древнегреческие имена. Они не считаются. Даже итальянские варианты древнегреческих имен не в счет, хотя я рассматривала Ахилла и Чезаре в качестве второго имени для своего сына. — Что ты предлагаешь сделать Алекто? — спросил Аид, меняя тему. — Присматривать за мальчиком. Если представится случай, когда она сможет отделить его от Хирона и того, кем является его сатир, столкнись с ним. Но при этом она должна позвать меня, когда будет это делать, чтобы я могла наблюдать. Если ему повезет, Алекто отправится по быстрому пути обратно в подземный мир. Если не повезет, у нас будет полное право допросить его. Если он выживет, Хирон и сатир как можно скорее доставят его в лагерь полукровок. Как только он окажется в Лагере Полукровок, у меня будет полный доступ к нему. Она повернулась, чтобы посмотреть на Аида. — Прости, дорогая, похоже, мне придется покинуть тебя на несколько недель. Аид наклонился к ней и целомудренно поцеловал. — Я буду скучать по тебе, как и всегда. Со мной все будет хорошо. Я утону в бумажной работе. Хриза рассмеялась. — Вот это дух! — Брат, пожалуйста, не целуй мою дочь в моем присутствии, — жестко сказал Зевс. — Хотя я знаю о ваших отношениях, я предпочитаю делать вид, что их не существует. Потакай мне. Аид посмотрел в сторону Хризы, которая кивнула. — Это самое меньшее, что мы можем сделать, — пожала плечами она. — Он не пытался запретить нам встречаться. На самом деле он очень хорошо относился ко всему этому, хотя, возможно, это потому, что он знает, что я помню, как он выглядел в подгузниках. — Как далеко ты уже забралась? — спросил Зевс. — Я приближаюсь к

началу своего пребывания на горе Отрис, — ответила Хриза. — Оглядываясь назад, я поражаюсь, как много Кронос мне доверил. А еще меня шокирует, насколько... безжалостной я была. Я даже не вздрогнула, когда Кронос рассказывал историю о том, как он убил Ураноса. Я не испытывала ни страха, ни ужаса, ни сочувствия. Я была... раздражена... тем, что меня не позвали присоединиться, — призналась она. — Если бы бабушка спросила меня, я бы сама выполнила эту работу.— Мы действительно знали Лейку, — осторожно сказал Зевс. — Мы знаем её... тёмную сторону.— Дорогой, у всех наших доменов есть темная сторона. Для меня это то, что я управляю Полями Наказания наряду с Элизиумом. Для Зевса — то, что правосудие вызывает смерть в той же мере, что и порядок. Для Ареса — жажда крови, которой он предается. Для Афродиты — сексуальная похоть, которую она внушает. Просто твоя темная сторона оказалась немного мрачнее, чем у большинства, — утешительно сказал Аид.— Учитывая, что я богиня тьмы, можно предположить, что моя темная сторона темнее, чем у большинства. В конце концов, меня воспитывали сами Тьма и Ночь. Сострадание к меньшим существам не особо поощрялось в Доме Ночи, — со вздохом ответила Хриза. — Хотя я и не помню этого до сих пор, но знаю, какие уроки мне там преподавали.— Ты не была совсем уж ужасной, — заметил Зевс. — Ты всегда делала все возможное, чтобы помочь своим сестрам и моим, особенно Гере. У жены Зевса и дочери полубога были... интересные отношения, если не сказать больше. С одной стороны, Зевс изменил Гере, чтобы зачать Хризиду. С другой стороны, Хриза была реинкарнацией Леуки, женщины, которой Гера восхищалась в детстве, женщины, которую она считала своей семьей. В итоге Гера отнеслась к Хризе иначе, чем к Лейке, но с враждебностью, близкой к той, что проявлялась к Талии, Гераклу и даже Гермесу, Аполлону и Артемиде. В некотором смысле Гера выступала в роли материнской фигуры для Хризиды и время от времени сопровождала их во время ежемесячных «семейных прогулок». Несмотря на все тяготы и невзгоды, их связь была удивительно крепка, и с каждой новой вспышкой памяти, возвращающей Хризиду в прошлое, она становилась еще прочнее. Будто невидимая нить, сплетенная из забытых моментов, снова соединяла их, затягивая в свой узор, все крепче и крепче.